

INSPIRIA

18+

ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ

Моя янь

Перевод
Надежды Сомкиной

Ну и шутник же
вы, мастер

INSPIRIA

Loft. Лучшие произведения Мо Яня

Мо Янь

Ну и шутник же вы, мастер

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Янь М.

Ну и шутник же вы, мастер / М. Янь — «Эксмо», 2000 — (Loft.
Лучшие произведения Мо Яня)

ISBN 978-5-04-254562-7

Когда привычный мир рушится, человеку остается лишь одно — сохранить достоинство и не потерять себя. Что делать рабочему, которого увольняют за месяц до пенсии после сорока трех лет безупречной службы? Как выжить ребенку в мире, где голод сильнее сострадания? Можно ли сохранить человечность среди насилия, произвола и абсурда истории? В сборник вошли семь рассказов лауреата Нобелевской премии Мо Яня — одного из самых ярких современных китайских писателей. Его герои — простые люди, оказавшиеся лицом к лицу с беспощадной бюрократией, историческими катастрофами и стремительно меняющимся миром. Соединяя беспощадный реализм с притчей, гротеском и почти фантастическими образами, Мо Янь создает мир, в котором трагедия нередко оборачивается черной комедией, а абсурд оказывается точнее любого документального свидетельства.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-254562-7

© Янь М., 2000
© Эксмо, 2000

Содержание

Бык	6
1	6
2	17
3	20
4	25
5	29
6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мо Янь
Ну и шутник же вы, мастер

Mo Yan

Shifu, you'll do anything for a Laugh

Copyright © 2000, Mo Yan

© Сомкина Н., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Бык

1

В те годы я был подростком.

В те годы я был самым неумным подростком в деревне.

В те годы я был самым бесячим подростком в деревне.

Такой подросток особенно бесит тем, что даже не догадывается, как он всех бесит. Он всегда лезет туда, где шумно и весело. Услышит, что кто-то о чем-то говорит, – сразу наострит уши, и неважно, понял он, о чем говорили, или нет, все равно влезет со своим мнением.

Подхватит оброненную фразу или увидит что-то – и уже мчится рассказывать всей деревне. Встретит взрослого – расскажет взрослому, ребенка встретит – расскажет и ребенку. А не встретит ни взрослого, ни ребенка – будет сам себе рассказывать. Словно, если удержит в себе хоть слово, у него нутро взорвется. Он свято верит, что все его обожают. И ради того, чтобы угодить, может наломать немало дров.

Вот, например, в тот полдень, когда деревенские бездельники сидели под ивой у пруда, играя в покер, я тут же пристроился рядом. Чтобы привлечь внимание, я кошкой вскарабкался на иву, уселся в развилке веток и стал орать, подражая кукушке. Долго куковал, но никто даже не взглянул на меня.

Мне стало скучно, и тогда я начал сверху наблюдать за игрой. Вскоре у меня зачесался язык:

– А у этого большой джокер!¹

Этот задрал голову и рявкнул:

– Лохань, тебе жить надоело?

Когда другой вытянул малого джокера, я снова не выдержал:

– А у того малый джокер!

– Коли язык чешется – о кору почеши! – прорычал тот другой.

Но я продолжал верещать со своего дерева, пока окончательно не взбесил игроков. Они принялись ругать меня разными словами. Я со своей ивы бранился на них в ответ. Наконец у них лопнуло терпение, они побросали карты, разбрелись кто куда, набрали окрест кирпичей и черепков, выстроились в стрелковую цепь и открыли огонь по дереву. Сначала я думал, что со мной играют, но потом мне в голову прилетело полкирпича. В мозгах загудело с эхом, из глаз посыпались искры, но, к счастью, я вцепился в сук обеими руками и не свалился. Тут-то я и понял, что игры кончились. Чтобы укрыться от атаки, я подпрыгнул повыше, к острой верхушке ивы. Верхушка не выдержала, с треском подломилась, и я в компании сухого сучка помпезно рухнул в пруд, так что брызги разлетелись во все стороны. Бездельники расхохотались. Я был рад, что рассмешил их. Их смех означал, что я их больше не бешу. И пусть на голове вздулась лиловая шишка, и пусть тело покрыл толстый слой ила и жижи! Когда я, похожий на грязную обезьяну, выполз из пруда, до меня смутно дошло: я нарочно сломал верхушку ивы. Чтобы привлечь их внимание, чтобы рассмешить их, чтобы их развеселить. У меня слегка побаливала голова, и по лицу, словно маленькие жучки, поползли горячие капли. Бездельники уставились на меня. Я тоже уставился на них. Я заметил, как на их лицах появилось что-то вроде изумления. Когда я, пошатываясь, прислонился к стволу ивы, один из них вдруг закричал:

¹ Достоинство карт в китайском покере. – Здесь и далее примечания переводчика.

– Плохо дело, пацан сейчас помрет!

Бездельники на мгновение застыли, а затем с воплями разбежались, словно ветром сдуло. Мне стало невероятно скучно, я привалился спиной к иве, в голове царил полумрак, и вскоре я провалился в сон.

Когда я очнулся, под ивой снова собралась толпа. Мой дядя Ма, начальник производственной бригады с рябым лицом, выгреб меня из-под дерева.

– Лохань! – гаркнул он, назвав меня детским именем. – Ты что тут делаешь? Почему голова разбита? Ну и видок же у тебя, словами эдакой красы не описать! Мать тут глотку надорвала, орала на весь свет, тебя звала-искала, а ты, вишь, шляешься без дела! Давай-ка марш домой!

Я стоял под ослепительными лучами солнца, и голова у меня слегка кружилась.

– Смой грязь и кровь с головы! – велел рябой дядя Ма.

Я послушался, присел на корточки у пруда и начал как попало плескать на себя воду, ополаскиваясь наспех. Холодная вода затекла в рану на голове, было немного больно, но терпимо. В этот момент я увидел, как к пруду подошел дедушка Ду, наш скотник, ведя за собой трех быков.

– Ну же, идем, идем! – громким голосом подгонял их он. – Нечего бояться! Хоть и страшна невеста, а свекрам все одно казаться.

Ни одному из трех быков не вдели в нос кольца. Задирая головы против солнца, они упирались настоянию дедушки Ду. Все трое были мои друзья – прошлой зимой и нынешней весной, когда с кормом было туго, мы с дедушкой Ду пасли их на заснеженных полях. Как и прочие местные коровы, они научились у монгольских буренок разгребать копытами снег в поисках травы. Тогда они были еще совсем маленькие. Я даже не думал, что за зиму они так вымахают. Все трое были бычки. Двое желтых с белыми мордами лусийской породы походили друг на друга как две капли воды, словно близнецы. А огненно-рыжий бычок с двумя горбиками на спине был детенышем той самой монгольской коровы с кривым хвостом. Я прозвал его Двуспинком. Этот Двуспинок был отъявленным хулиганом – еще прошлой зимой во время выпаса он норовил исподтишка запрыгивать на коров. Дедушка Ду сперва смотрел на это сквозь пальцы, мол, прыгай не прыгай – все одно толку не будет, но вскоре старик обнаружил, что негодник вполне себе грехоспособен, и поспешил связать ему передние ноги веревкой. Но даже это не помешало Двуспинку запрыгивать на коров, включая собственную монгольскую мамашу. Дедушка Ду говаривал: «Лошади и мулы – ровня ученому мужу, а быкам хоть родную мать под себя подминать!»

– Эй, дедушка Ду, давай-ка пошевеливайся! – прикрикнул рябой дядя Ма. – Ты тут копаешься, а товарищ Лао Дун уже измаялся весь, тебя ждавши!

Товарищ Лао Дун, присевший на корточки у торцевой стены дома семьи Цзи, лишь выпустил папиросный дым:

– Ничего, ничего! Не к спеху!

Товарищ Лао Дун работал ветеринаром на местной станции. Высокий, с землистым лицом, синеватыми губами и запавшими глазами, которые подчеркивала черная оправа толстых стекол очков. Он постоянно горбился, отчего делался похож на креветку, а еще не расставался с сигаретой, смоля одну за другой, при этом постоянно кашляя и сплевывая мокроту. Указательный и средний пальцы на его правой руке успели пожелтеть от никотина, выдавая в нем заядлого курильщика. Но сигарету он держал невероятно красиво, ладонью в форме орхидеи², как складывают артистки пекинской оперы. Когда я вырос, то невольно перенял эту манеру.

² Сценический жест артистов пекинской оперы женского амплуа, когда большой и средний палец соединены вместе, а остальные приподняты, словно лепестки раскрывшегося цветка.

Рябой дядя Ма подскочил к бычкам, раздал по кулаку каждому из лусийцев и лягнул Двуспинка в бок. Животные рванули вперед и в несколько прыжков оказались под ивой.

Дедушка Ду, которого проволок за поводьями через всю полянку, едва стоял на ногах и причитал:

– Что за безобразие... Совсем с ума посходили...

– Хватит бурчать! – огрызнулся рябой дядя Ма. – Давно пора было привести быков, мы уже заждались!

Товарищ Лао Дун поднялся с места и примирительно сказал:

– Ничего страшного, делов-то на пару минут.

– На пару минут?! – затряс лысой головой дедушка Ду, выпучив глаза. – Ты что, товарищ Лао Дун, холостить трех быков за пару минут? Я, брат, не раз видел, как это делается!

Товарищ Лао Дун, не вынимая сигареты изо рта, шмыгнул за иву и пустил в пруд струю. Когда журчание стихло, он вышел обратно, широко расставил ноги, застегнул ширинку, потер руки и прищурился:

– И когда это вы, говорите, видели, как быков холостят?

– Еще до освобождения³, – отозвался дедушка Ду. – Тогда по старинке делали: сначала промасленной веревкой туго перевязывали яйки у самого основания, чтобы кровь не поступала. Потом брали дубовую колотушку, что в масле до того вымачивали, подкладывали под яйки плоский камень и начинали тихонечко отбивать. Молотили, пока те не превращались в лепешку. На одного бычка уходило до полудня. А у бычков-то глаза закатывались, и так мычали, так мычали!

Товарищ Лао Дун выплюнул окурочек и презрительно сказал:

– Этим варварским методам давно пришел конец! В старом обществе и люди мучились, и скот страдал!

– Верно! – поддакнул рябой дядя Ма. – В новом обществе и людям благо, и скотине вольготно!

– В старые времена яйца-то у людей не кромсали... – тихонько пробормотал дедушка Ду. – А вот в новом обществе как раз...

– Эй, старик! – оборвал его рябой дядя Ма. – Если жить надоело – иди веревку ищи да на ближайшем суку удавись! Нечего тут чепуху молоть!

– А что я? – закатил уязвленные бельмами глаза дедушка Ду. – Ничего я не говорил...

Товарищ Лао Дун взглянул на часы и сказал:

– Начинаем. Лао Гуань, засекай время – посмотрим, сколько минут уйдет на каждого бычка.

Он снял часы и протянул их рябому дяде Ма, затем закатал рукава и потуже подтянул ремень. Из верхнего кармана он вытащил блестящий узкий ножик, по форме напоминающий ивовый лист. Лезвие сверкало на солнце. Потом из брючного кармана достал темно-бордовый пузырек, открутил крышку, вытащил пропитанный йодом ватный тампон и протер им лезвие и пальцы. Использованный тампон он бросил на землю.

Бездельник У Ци, местный любитель поглазеть на все подряд, тут же подхватил его и принялся мазать йодом паршу на ногах.

– Ну что, начальник Лао Гуань, начинаем! – объявил товарищ Лао Дун.

Рябой дядя Ма поднес часы товарища Лао Дуна к уху, склонил голову и замер с торжественным видом, прислушиваясь к тиканью. Я подскочил к нему, застав врасплох, выхватил часы и закричал:

– Дай и мне послушать!

³ Освобождением китайцы называют образование КНР в 1949 году.

Едва я успел поднести их к уху, как рябой дядя Ма вцепился мне в запястье, вырвал часы и заодно отвесил подзатыльник.

– Вот паршивец! – зло прикрикнул он. – Что ж ты всем назло делаешь?!

И стукнул меня еще раз.

Хоть я и получил по шее дважды, внутри все распирало от радости. Я ведь дотронулся до часов товарища Лао Дуна, и не просто дотронулся – я успел поднести их к уху, считай, что услышал, как они тикают.

Товарищ Лао Дун велел дедушке Ду передать двух из трех быков зевакам – те взяли Двуспинка и старшего лусийца, оставив старику лишь младшего.

– Хорошо, – сказал товарищ Лао Дун с акцентом чужих краев, – ты не мешай, просто веди быка вперед.

Дедушка Ду покорно потянул быка за собой, бормоча что-то невнятное под нос.

Товарищ Лао Дун обернулся к рябому дяде Ма:

– Лао Гуань, как только я наклонюсь – сразу засекай время. Не раньше!

– Товарищ Лао Дун, честно говоря, я не очень-то разбираюсь в этих ваших часах, – смущенно признался рябой дядя Ма.

Товарищу Лао Дуну пришлось подойти и объяснить, и я услышал лишь:

– Считай, сколько кругов сделает эта красная стрелка. Один круг – одна минута.

В этот момент дедушка Ду уже привел младшего лусийца обратно.

– А ну назад! – сказал товарищ Лао Дун. – Иди вперед и не оглядывайся, пока не скажу!

– А что будет, если я все-таки оглянусь? – спросил дедушка Ду.

– Кровью тебе всю рожу забрызгает, – ответил товарищ Лао Дун.

Солнце светило так ярко, что шкура быка в его лучах лоснилась, словно промасленная. Дедушка Ду тянул повод, пытаясь заставить младшего лусийца идти быстрее, но тот почему-то идти не желал, запрокидывая голову и оседая назад. А ведь ему следовало идти быстрее. Опасность подстерегала его не спереди, а сзади. Товарищ Лао Дун хвостиком семенил позади быка. Мы все держались на расстоянии трех-пяти метров, не сводя глаз с его спины.

И вдруг услышали, как он выпалил:

– Лао Гуань, начинай!

И вдруг увидели, как спина товарища Лао Дуна согнулась, отчего он стал похож на креветку. Его затылок оказался вровень с хребтом младшего лусийца. Он запустил обе руки между задних ног бычка. Мы не могли разглядеть, что он творит между ног бычка, но прекрасно знали, что там творится. Мы видели только то, как дергался хребет, оказавшийся вровень с затылком товарища Лао Дуна, но не понимали, почему лусийский бычок не рванул вперед. А еще мы слышали, как бычок тяжело и хрипло дышит, но не понимали, почему он не лягнул товарища Лао Дуна задними ногами, чтобы отбросить его назад.

Мы и ахнуть не успели, как товарищ Лао Дун выпрямился. Одно серо-белое бычье яйцо, еще дергаясь, лежало на раскаленной пыльной земле. Другое он держал на ладони.

– Лао Гуань, готово! – прогундосил он, зажав в зубах кривое лезвие.

– Неполных три круга, – сказал рябой дядюшка Ма. – Ладно, будем считать за три!

Он так паялился на часы, что пропустил захватывающее представление, которое товарищ Лао Дун учинил с младшим лусийцем.

– Что, все уже?! – ахнул он, заметив окровавленные бычьи яйца на земле и в руках товарища Лао Дуна. – Ничего себе, вы за три минуты быка охолостили! Да вы, товарищ Лао Дун, настоящий Ньюмо-ван!⁴

Дедушка Ду обошел быка сзади и наконец нашел к чему придраться – меж бычьих задних ног болтался пустой мешочек кожи, весь в каплях крови.

⁴ Божество-повелитель быков и коров в китайской мифологии.

– Товарищ Лао Дун, шовчик-то сделать нужно!

– Хотите шов – сделаю шов! – сказал товарищ Лао Дун. – Только, по моему опыту, так даже хуже заживает.

– Лао Ду, что ты тут митингуешь?! – заорал рябой дядя Ма. – Товарищ Лао Дун ветеринарную академию кончал, он на этих яйцах собаку съел! Я тебе неприятное скажу, он вообще-то за свою жизнь порезал яиц больше, чем ты пампушек сожрал!..

Товарищ Лао Дун смущенно поправил очки окровавленным пальцем:

– Ну что вы, Лао Гуань, вы преувеличиваете, это ж не беда вроде «снежища с гор Яньшань»!⁵

Он бережно поднял с земли второе яйцо, аккуратно положил оба на выступающий корень ивы и скомандовал:

– Лао Ду, тащи другого быка.

Дедушка Ду перекинул поводья младшего лусийца какому-то зеваке и принял старшего из рук другого ротозея. Он беспомощно уставился на товарища Лао Дуна, но тот лишь вздернул подбородок: мол, тащи быка, не задерживай.

Старик дернул веревку, потянув большого бычка вперед, но тот упирался – точь-в-точь как его маленький брат – и вперед идти не хотел. А у меня аж сердце сжалось, я думал: «Да что ж ты не рванешь вперед? Ты же видел, что они с твоим малым сотворили».

Товарищ Лао Дун молча согнулся. Рябой дядя Ма забыл про часы и вместе с нами, как замороженный, подался вперед. Мы увидели, как сероватое бычье яйцо упало на раскаленную рыхлую землю, содрогаясь в последних конвульсиях. И тут же увидели, как товарищ Дун выпрямился, держа в руке бычье яйцо, а во рту – тот самый нож.

Мы слышали, как рябой дядя Ма, хлопая себя по бедру, кричит:

– Ну вы даете, товарищ Лао Дун, мое почтение! Мое, мать вашу, почтение и вслух, и в сердце, весь я наизусть – весь ваш! Вы даже Сунь Укуна за пояс заткнули, то, как он персики спер!⁶

Товарищ Лао Дун отнес оба яйца старшего лусийца под иву, аккуратно положив их рядом с яйной парой младшего. Развернулся, окровавленным пальцем поправил очки в черной оправе, а затем резко дернул подбородком, подавая знак дедушке Ду, чтобы вел Двуспинка.

Старик жалобно посмотрел на рябого дядю Ма:

– Бригадир, а может, хоть одного бычка оставим на племя?

– Какое еще племя?! – всплеснул руками дядя Ма. – Я ж вам строго-настрога наказывал: смотрите в оба! А вы? Теперь, гляди, все коровы в округе брюхаты его теленками!

Товарищ Лао Дун вынул изо рта скальпель в форме ивового листа и изумленно воскликнул:

– Как?! Этот бык покрывал коров?!

Я не сдержался и поспешил влезть в разговор:

– Все тринадцать коров нашего стада! Даже родную мамашу!

– С какого ты, сопляк, во взрослые разговоры лезешь? – одернул меня дедушка Ду. – Ты хоть знаешь, из какой щели корова ссыт?!

– Я своими глазами видел, как он покрыл всех коров в стаде! – заявил я. – Только я знаю, как дело было, только у меня право слова есть! Дедушка Ду видел только то, как Двуспинка покрыл свою матушку, но решил, что раз связал ему передние ноги, то больше беды не будет. Вот и велел мне за коровами смотреть, пока сам на солнышке дрых под тулупом возле канавы. Все самое интересное я один видел! Старший и младший лусийцы тоже пытались, прыгали на коров, да только их стручки что красные перчики. Коровы тут же их бодали и сбрасывали.

⁵ Строка из стихотворения Ли Бо «Песня северного ветра».

⁶ В романе «Путешествие на Запад» царь обезьян Сунь Укун украл персики с древа бессмертия из сада небожителей.

А Двуспинок – тот хитер был: делал вид, что траву щиплет, подобрался к корове поближе, а потом – раз! – и уже на спине у нее. Я его пытался прогнать палкой по гузну – хоть бы хны!..

И как раз, когда я разошелся, упиваясь самолюбованием, как гром среди ясного неба раздался крик рябого дяди Ма.

Я содрогнулся, увидев, как рябое лицо дяди Ма позеленело, а пороссячи глазки сверкнули, прямо-таки шилом меня уколов.

– Веками наш Гуанев род праведными делами славился, и как же в итоге у нас отбросыш такой уродился?! – прошипел рябой дядя Ма, отвесив мне подзатыльник, который отшвырнул меня в сторону, после чего рявкнул на дедулю Ду: – Тащи быка, чего застыл!

Товарищ Лао Дун поднял руку:

– Погодите-ка, дайте осмотреть.

Товарищ Лао Дун наклонился и, протянув руку, пощупал меж задних ног Двуспинка. Двуспинок изогнулся, лягнул задней ногой и попал точно в колено товарищу Лао Дуну. Товарищ Лао Дун вскрикнул и шлепнулся на землю.

Рябой дядя Ма поспешно подскочил, помог товарищу Лао Дуну подняться и обеспокоенно спросил:

– Товарищ Лао Дун, ничего страшного?

Товарищ Лао Дун согнулся, потирая колено, и искривленным ртом проговорил:

– Ничего, ничего...

Дедушка Ду шлепнул Двуспинка по спине и с улыбкой поругал его:

– Ах, мерзавец! Как ты посмел лягнуть товарища Лао Дуна? Похоже, тебе жить надоело!

Товарищ Лао Дун, прихрамывая и подпрыгивая, доскакал до тени у стены дома Сяо Цзи, сел на землю и заявил:

– Лао Гуань, этого бычка кастрировать нельзя!

– Это почему же? – с тревогой спросил рябой дядя Ма.

– Он слишком часто спаривался, – ответил товарищ Лао Дун. – Кровеносные сосуды внутри теперь слишком толстые, можно легко все дело запороть, он тогда истечет кровью.

– Да не слушайте их чепухню! – вспыхнул рябой дядя Ма. – Он же еще теленок, он на два месяца младше тех двоих!

– Дайте мне, – сказал товарищ Лао Дун, протягивая руку к рябому дяде Ма.

– Что дать? – опешил рябой дядя Ма.

– Часы отдайте мне, – сказал товарищ Лао Дун.

Рябой дядя Ма поднял руку, посмотрел на часы на запястье и сказал:

– Неужели я прикарманил бы ваши часы?! Ну знаете ли!

– Я не говорил, что вы хотите прикарманить мои часы, – ответил товарищ Лао Дун.

– Товарищ Лао Дун, нам ведь не просто было пригласить вас, так послушайте же меня внимательно, – сказал рябой дядя Ма. – У нас тут не только с зерном напряженка, но и с сеном беда, иначе разве стали бы мы пасти скот в лютую зимнюю стужу? Мы уже не справляемся с прокормом даже этого поголовья. Скот – средство производства, кто быка зарежет – тот преступник. Резать нельзя, а кормить не на что. В прошлом году я говорил Лао Ду: если еще раз допустишь, чтобы корова отелилась, вычту у тебя трудодни. Кто бы мог подумать, что эти парни всем коровам телят заделали! Товарищ Лао Дун, подумайте, пожалуйста, если мы не кастрируем этого парня, нашей производственной бригаде конец. В прошлом году мы отвезли трех бычков на рынок в Цзяочжоу, обрадовались, что скинули три обузы, но не успели порадоваться, как они назад прибежали. Мало того что вернулись сами, так еще и двух других бычков с собой привели, хоть палками бей – не уходят. На нашего завхоза – из-за того что он палкой бил скотину – кто-то донес в ревком народной коммуны. Его забрали в питомник к югу от города на месячные курсы – а лучше сгинуть в преисподней, чем попасть в питомник к югу от

города, в общем, обвинили завхоза в подрыве производственных сил, в контрреволюционной деятельности, поломали ногу палкой, так до сих пор дома и лежит, не может подняться...

– Ой, ладно, ладно, – перебил товарищ Лао Дун. – Лао Гуань, после ваших слов я и вовсе боюсь за дело братья. Если я захолошу этого бычка до смерти, мне тоже придется отправиться на курсы в питомник к югу от города.

С этими словами он схватил горсть земли, потер о нее руки, поднялся и, прихрамывая, подошел к велосипеду, откинул подставку и собрался уезжать.

Рябой дядя Ма бросился вперед, защелкнул замок на велосипеде товарища Лао Дуна, сунул ключ себе в карман и сказал:

– Лао Дун, даже не думайте уезжать, пока не охолостите этого быка!

Лицо товарища Дуна налилось синеватым багрянцем, губы задрожали.

– Да что же ты за человек такой?! – взвизгнул он.

– Да, вот такой я человек, и что вы мне сделаете? – усмехнулся рябой дядя Ма.

– Ты просто хам! – сердито сказал товарищ Лао Дун.

– Хам и есть, – с ухмылкой согласился рябой дядя Ма. – И что вы мне, хаму, сделаете?

– В наше время всякая сволочь научилась людей обижать, и что я могу с тобой поделаться? – вздохнул товарищ Лао Дун. – Бедняки-середняки ведь, руководящий класс ведь, школами заводуют ведь!

– Товарищ Лао Дун, давайте не будем обижать друг друга, – сказал рябой дядя Ма. – Если вы настоящий друг, то кастрируйте нам этого вредителя. Если не друг, мы ничего с вами поделать не сможем. Но ваши часы и велосипед останутся у нас. Мы отнесем их на базар, продадим, а на вырученные деньги купим соломы для коров. Если весь скот народной коммуны с голоду помрет, вопрос-то встанет ого-го.

– Лао Гуань, хватит чепуху городить! – недовольно бросил товарищ Лао Дун. – Какое мне дело до того, сдохнут коровы или нет?

– И как же это будет не ваше дело? – возразил рябой дядя Ма. – Если весь скот коммуны передохнет, зачем ей тогда ваша ветеринарная станция? Зачем тогда вы, ветеринар? В народной коммуне сперва скот, а уж потом – вы, ветеринар.

– Ну что поделаешь с таким пройдохой, как ты? – беспомощно развел руками товарищ Лао Дун. – Не зря говорят, что на десять рябых – девять подлецов, а тот один, что не подлец, просто сволочь!

– Говорите что хотите, но дело у нас здесь ясное как день, делать или нет, решать вам, – с ухмылкой сказал рябой дядя Ма, театрально поднеся запястье к уху и прислушиваясь. – Хорошо тикают, отлично тикают, прямо-таки сталемедный перезвон!

– Отдай часы! – сказал товарищ Лао Дун.

– А чем докажете, что они ваши? – выпучил глазки рябой дядя Ма. – Говорите, что ваши, – так позовите их! Позовите, если они откликнутся – я вам верну!

– Да уж, сегодня мне, черт побери, не повезло, – раздраженно сказал товарищ Лао Дун. – Наткнулся на такую занозу! Ладно, кастрирую! А с быком кончу – и тебя, сволочь, заодно кастрирую!

– Меня не нужно, – ответил рябой дядя Ма. – Прошлой весной меня уже кастрировал Лю Куайдао Быстрорез из больницы коммуны.

Товарищ Лао Дун достал нож и раздраженно сказал:

– Вот что, рябой, сразу договоримся: если с этим быком что-то случится, вся ответственность в полной мере ляжет на тебя!

– Какого черта может случиться? – удивился рябой дядя Ма. – Эти штуки и так у него лишние!

Товарищ Лао Дун поднял голову и обратился к нам:

– Широкие массы товарищей из бедняков и середняков, вы свидетели: я не хотел кастрировать, это ваш рябой меня заставил...

– Ладно, ладно, – сказал рябой дядя Ма. – Я заставил вас кастрировать, случись что – буду отвечать.

– Ну хорошо, смотри, сдержи слово, – ответил товарищ Лао Дун.

– Почтенный, кончайте уже нудеть, – сказал рябой дядя Ма.

Товарищ Лао Дун посмотрел на Двуспинка. Двуспинок искоса посмотрел на него в ответ. Едва товарищ Лао Дун протянул руку к его задней части, он вильнул хвостом и перешел за спину дедушки Ду. Дедушка Ду поспешно перебежал к его голове, но бык снова вильнул хвостом и перешел за спину дедушки Ду.

– Эта тварь совсем обнаглела! – воскликнул тот.

Товарищ Лао Дун выразительно посмотрел на рябого дядю Ма и спросил:

– Ну что? Рябой, не то чтобы это я работать не хотел...

– Ну и стоило пыль в глаза пускать? – усмехнулся рябой дядя Ма. – Казалось, даже тигра могли бы охолостить, а на деле провошались полдня и даже с бычком не справились! Дайте сюда нож да посидите в сторонке, поглядите, как старый неуч без вашего ветеринарного университета справится! Эх вы, видать, зря зарплату от государства получаете!

– Ах ты ж, ряборожий, заносчивая ты скотина! – побагровел товарищ Лао Дун. – Да я сегодня или его обезьяйчу, или плестись мне до коммуны с позором!

– А вот не хвастайтесь яйцами нехолощенного быка! – бросил в ответ рябой дядя Ма.

Не говоря больше ни слова, товарищ Лао Дун нагнулся, подбираясь к хвосту Двуспинка. Но бычок ловко увернулся, прежде чем тот успел приблизиться. Товарищ Лао Дун метнулся за ним, а бычок метнулся за спину дедушки Ду. Веревка трижды обмоталась вокруг старика, скрутив его намертво.

– Смерть мне! – заголосил он. – Смертушка как есть!

Товарищ Лао Дун воспользовался моментом и сунул руки меж задних ног Двуспинка. И только собрался провернуть свое дело, как тут же получил копытом в низ живота. Товарищ Лао Дун помянул мать и всей задницей тяжело шлепнулся на землю.

Бычок развернулся на обратный круг, хлестнул хвостом – и очки товарища Лао Дуна полетели в сторону. Однако тот, много лет прообщавшись со скотом, уже знал, как от него спастись, и, бросив очки, кубарем откатился в безопасную сторону.

Рябой дядя Ма бросился на спасение очков. Подоспевший народ подхватил товарища Лао Дуна и усадил у стены дома Сяо Цзи. Лицо у него стало восковым, весь лоб покрылся каплями пота величиной с горошину.

– Товарищ Лао Дун, вы как, не сильно получили? – озабоченно спросил рябой дядя Ма. – Ни в куда важное не попало?

Товарищ Лао Дун не промолвил ни слова, словно боялся лишний раз вздохнуть, и наконец, спустя века, сквозь слезы выдавил:

– Ах ты, ряборожий... Да чтоб тебя и мать твою!..

– Виноват перед вами, товарищ Лао Дун, – покаянно сказал рябой дядя Ма. – Довольно холостить, пойдемте ко мне, я как узнал, что вы приедете, велел жене два цзиня рисовой водки достать, в обмен на бататовую сушину.

Похоже, товарищу Лао Дуну стало чуть легче. Он полез в карман, достал убитую пачку сигарет, вытащил одну, дрожащими пальцами чиркнул спичкой и затянулся так глубоко, что держал дым в себе целую минуту, прежде чем выпустить его через ноздри.

– Искренне извиняюсь, товарищ Лао Дун, – сказал рябой дядя Ма, протирая очковые стекла в черной оправе о кайму своих штанов, прежде чем водрузить их обратно на нос товарища Дуна. Затем он снял с руки часы, нащупал ключи и сказал: – Вот, забирайте обратно.

Товарищ Лао Дун лишь махнул рукой, не взял ни ключи, ни часы, но неожиданно поднялся на ноги.

– Ой-хо, обиделись? – поддел его рябой дядя Ма. – Да я ж пошутил! Ну пошли, пошли ко мне, выпьем.

Он потянул товарища Лао Дуна за рукав, но тут же обернулся к дедушке Ду:

– Папаша, веди быка назад!

А мне крикнул:

– Лохань, подбери эти яйца бычьи да отнеси мне домой, тетке своей. Пусть пожарит нам под водочку. И скажи, чтоб сперва выскребла все вонючие жилы, а то жрать будет нельзя...

Как и велел рябой дядя Ма, я бросился к иве подбирать те самые бычьи яйца. Дедушка Ду, не отрывая глаз от тех самых бычьих яиц, тянул быка вперед за повод.

И вдруг товарищ Лао Дун рявкнул:

– Стоять!

Мы замерли.

– Что случилось, товарищ Лао Дун? – осторожно спросил рябой дядя Ма.

Но тот смотрел не на нас и не на рябого дядю Ма. Его глаза за стеклами очков впились в увесистую ношу меж задних ног Двуспинка.

– Чтоб мне провалиться! – прошипел он сквозь стиснутые зубы. – Если сегодня не оскоблю тебя, тварь, пусть мою фамилию Дун вверх ногами пишут!

Рябой дядя Ма аж моргнул, подошел и подергал товарища Лао Дуна за рукав:

– Ну полно, полно, товарищ Лао Дун! Вам, такому знаменитому ветврачу, не к лицу сердиться на этого глупого теленка. Лягни он вас по ноге, мы бы уже места не находили, а вот если бы по яйцам попал... мы бы себе этого никогда не простили!..

– Ах ты, рябая твоя рожа! – сверкнув глазами, выкрикнул товарищ Лао Дун. – Хрен ты меня на подколки возьмешь и позорищем выставишь. Да будь не то что бык – хоть слон, хоть тигр, я сегодня же его уделаю!

– Да оставьте же, товарищ Лао Дун... – взмолился рябой дядя Ма.

Но ветеринар уже засучил рукава, затянул ремень потуже, собрался с духом и рванул вперед, как разъяренный тигр. Двуспинок тоже рванул вперед, волоча за собой дедушку Ду. Тело старика откинулось назад, а сам он орал во всю глотку:

– Бригадир! Не удержу!..

– Не удержишь – клянусь, тебе самому яйца отрежу, сукин ты сын! – громко пообещал рябой дядя Ма.

С этими словами он бросился вдогонку беглецам и помог дедушке Ду оттащить Двуспинка обратно.

– Похоже, придется нахрапом.

– Это как? – уточнил рябой дядя Ма.

– Привяжи эту тварь к иве покрепче.

Дедушка Ду привязал Двуспинка к иве покрепче.

Товарищ Лао Дун поднял голову, окинул дерево взглядом и велел:

– Тащите две веревки и жердь.

– Что, будем связывать? – нахмурился дедушка Ду.

– С таким мерзавцем только так и можно, – буркнул ветеринар.

Рябой дядя Ма тут же велел Хоу Ба бежать к кладовщику за веревками и жердиной. Хоу Ба немедленно затрусил в кладовую.

Товарищ Лао Дун достал из кармана сигарету и закурил. Казалось, настроение его заметно улучшилось. Он вытащил еще одну и бросил рябому дяде Ма, который немедленно рассыпался в благодарностях.

Дедушка Ду жадно втягивал носом воздух, пытаясь привлечь внимание ветеринара, но тот даже не взглянул в его сторону.

– В прошлом году в госхозе Цзяохэ был один дикий мул, настоящее исчадие ада, – сообщил товарищ Лао Дун рябому дяде Ма. – Целых три яйца отрастил, лягался, кусался, никто близко подойти не смел. И чем все кончилось? Я, как обычно, его таки охолостил!

– Да я же всегда говорил, вам хоть тигра приведи – и того охолостите! – ответил дядя Ма.

– Если раздобудешь тигра, я и с ним управлюсь, – прихвастнул товарищ Лао Дун. – Нет болезни, которую нельзя вылечить, и нет скотины, которую нельзя охолостить.

– Ну и свистун, даже поддувать не надо! – пробормотал себе под нос дедушка Ду, презрительно скривив губы.

Товарищ Лао Дун взглянул на него, но ничего не ответил.

С жердью на плечах и веревками в руках примчался Хоу Ба.

Товарищ Лао Дун свирепо затянулся еще пару раз и швырнул окурок на землю.

Я метнулся, как коршун, поднял бычок кончиками пальцев и с наслаждением затянулся.

– Лохань, дай затянуться! – заныл рядом Сяо Лэ. – Ну дай хоть разочек...

Я выплюнул окурок, отделив последние крошки табака от бумаги, и, злорадно усмехнувшись, сказал:

– Ну давай, затягивайся!

– Помяни мои слова, Лохань, придет день, когда я тебе понадобится, и вот тогда!.. – посулил Сяо Лэ.

Рябой дядя Ма прогнал нас в сторону. Несколько зевак по их с товарищем Лао Дуном указаниям подсунили жердь под брюхо Двуспинка, протолкнув ее в щель между задними ногами и животом. По команде товарища Лао Дуна мужчины с обоих концов жерди дружно напряглись, и задние ноги быка оторвались от земли. Но бык все равно продолжал извиваться всем телом. Товарищ Лао Дун лично взялся за дело: обвязал задние ноги Двуспинка веревкой и передал концы стоящим рядом, чтобы те натягивали в разные стороны. Затем он приподнял его хвост, привязал к другой веревке, перекинул через ветку ивы и натянул. Конец он бросил мне и велел:

– Держи крепко, не отпускай!

Раздуваясь от гордости, я приступил к выполнению почетной миссии, порученной товарищем Лао Дуном, и потянул за конец веревки, на которой болтался хвост Двуспинка.

– Богов побойтесь, вы же их оскорбляете! – бормотал себе под нос дедушка Ду.

Двуспинок натужно сопел и мычал. Державшие жердь мужики тоже тяжело задышали.

– Бригадир, больше не могу... – закричал один из них.

Рябой дядя Ма стукнул его по макушке и прикрикнул:

– Ты погляди, тряпка какая! В куда ты столько жрал-то? Держи! Сегодня в обед засчитаю всем полдня работы!

Товарищ Лао Дун беззаботно сидел на корточках и бормотал:

– Ну давай, подпрыгивай, лягайся... Где теперь твоя удаль?..

С этими словами он швырнул на землю здоровенное бычье яйцо и воскликнул:

– Я тебе полягаюсь!

А потом швырнул на землю другое здоровенное бычье яйцо и воскликнул:

– Я тебе полягаюсь!

После чего выпрямился и скомандовал:

– Ладно, отпускайте!

Все дружно разжали руки.

Двуспинок принялся неистово скакать, чуть не порвав повод. Дедушка Ду спрятался подальше и не решался подойти, причитая:

– Взбесился... Как есть взбесился...

Наконец бык затих.

– Наскакался? Что ж больше не скачешь? – ехидно спросил товарищ Лао Дун.

Черная кровь хлестала струей, как моча. Задние ноги Двуспинка залило красным, земля под ним пропиталась багрянцем. Прижавшись лбом к стволу ивы, бык мелко дрожал всем телом.

Лицо товарища Лао Дуна моментально посерело, и с него посыпались горошины пота.

– Так и хлещет, так и хлещет! – завопил дедушка Ду.

– Чушь-то, ядрена плесень, не городи! – осадил его рябой дядя Ма. – Ты хоть знаешь, что такое по-настоящему «хлещет»?

Товарищ Лао Дун бросился к велосипеду, открыл черную аптечку, висевшую на руле, достал металлический шприц, насадил иглу, затем вскрыл коробку с лекарством и вынул три ампулы.

– Товарищ Лао Дун, – воскликнул рябой дядя Ма, – у нас в бригаде ни плошки, ни ложки, нечем нам за лекарства платить.

Товарищ Лао Дун не обращал внимания на вопли рябого дяди Ма, спокойно вскрыл ампулу и набрал лекарство в шприц.

– Здоровенный бычий хер, с чего вдруг нежный такой оказался? – возмущался рябой дядя Ма.

Товарищ Лао Дун подошел к Двуспинку и быстрым движением вонзил иглу ему в плечо. Двуспинок даже не дернулся – видимо, эта боль была ничтожной по сравнению с той, что он испытывал меж задних ног.

Товарищ Лао Дун присел на корточки позади Двуспинка и стал внимательно наблюдать, совершенно не боясь вновь получить копытом. Наконец кровавый поток из раны стал тоньше, а затем превратился в редкую капель.

Товарищ Лао Дун поднялся на ноги и тяжело вздохнул.

Рябой дядя Ма взглянул на клонящееся к закату солнце и сказал:

– Ладно, всем на поле, за работу! Лохань, отнеси бычьи шары тетке. А вы, товарищ Лао Дун, пойдите со мной – пропустим по четыре ляна, чтобы нервы успокоить.

– С этого момента нужно назначить человека, который будет выгуливать бычков, – сказал товарищ Лао Дун. – И днем и ночью, без перерыва. Запомните: ни в коем случае нельзя давать им лечь, иначе края раны разойдутся!

Рябой дядя Ма кивнул:

– Лао Ду, выгул бычков на тебе.

– На спину накиньте мешковину, чтобы не простудился, – добавил товарищ Лао Дун. – И помните: главное – не давать им ложиться! – Он указал на Двуспинка: – Особенно этому!

– Будьте покойны, пойдите! – Дядя Ма взял товарища Лао Дуна под руку, а затем обернулся и прикрикнул на меня: – Сосунок ты заячий, я тебе что сказал делать? Почему ты еще здесь ошиваешься?!

Я подхватил шесть окровавленных бычьих яиц и со скоростью ветра помчался к дому рябого дяди Ма.

2

Ворвавшись во двор, я бросил бычьи шары перед тетушкой Ма и, запыхавшись, выпалил:
– Тетушка Ма, дядя велел передать вам яйца...

Тетушка Ма как раз мыла голову во дворе, стоя по пояс голой, и жутко испугалась кучи бычьих шаров, которые, подпрыгивая, покатались ей под ноги.

– Вот ведь шалопай, что ты мне притащил?! – прихватив мокрые волосы и шурясь от воды, спросила она.

– Это яйца от дяди Ма, – доложил я. – Он велел сперва выскрести из них вонючие жилы.

– Фу, гадость какая! – скривилась тетя Ма. – А дядя где?

– Сейчас придет, – ответил я. – С товарищем Лао Дуном с ветеринарной станции. Будут пить!

Тетя Ма тут же набросила на себя халат и торопливо вытерла волосы полотенцем.

– Что за ребенок, почему сразу не сказал? Товарищ Лао Дун – почетный гость, его еще упрости к нам зайти!

Не успела она договорить, как во двор вошел рябой дядя Ма, катя перед собой велосипед товарища Лао Дуна. Сам ветеринар шел согнувшись, вытянув вперед длинную шею, совсем как гусь. Да еще и прихрамывал – совсем как хромым гусь.

– Хозяйка! – громко крикнул дядя Ма. – Погляди-ка, кто к нам пожаловал!

– Ой, да это же товарищ Лао Дун! – сияя, воскликнула тетя Ма. – Какими судьбами занесло к нам такую важную персону?

– Не думал, что вы меня помните, – ответил товарищ Лао Дун.

– Да как же можно не помнить! – воскликнула тетя Ма. – Вы же в прошлом году холостили наших поросят!

– Год не виделись, а вы все такая же беленькая, – сказал ветеринар.

– Ну что вы, товарищ Лао Дун, – засмеялась тетка, – можно ли меня так ругать! Я беленькой покажусь, только разве что в кучу угля меня кинуть.

– Ты с какой ядреной матери средь бела дня затеялась голову мыть? – недовольно спросил рябой дядя Ма.

– А как же? – ответила тетя Ма. – Ведь товарищ Лао Дун пришел! Надо же произвести на начальство хорошее впечатление.

– Мойся не мойся – все одно зачуханная, – фыркнул рябой дядя Ма. – Давай быстрее готовь яйца, мы с товарищем Лао Дуном пропустим по рюмочке. Яйца куриные еще есть? Яичницу еще бы поджарить.

– Куриные? Будь я курицей, то, конечно, тут же бы вам снесла.

– Не беспокойтесь, тетушка, – вежливо промолвил товарищ Лао Дун.

– Раз уж вы пришли, грех не побеспокоиться, – засуетилась тетя Ма. – Товарищ Лао Дун, проходите на кан⁷, садитесь поудобнее, я все быстренько приготовлю.

– Точно, точно! – согласился рябой дядя Ма, подталкивая гостя. – На кан, на кан!

Усадив товарища Лао Дуна на лежанку, он выбежал во двор и крикнул:

– Лохань! А ну марш тетке помогать!

– Иди гостя развлекай, не мешай нам тут! – велела тетя Ма. – Лохань, накачай мне воды из колодца!

Я накачал два ведра.

– Теперь сбегай к углу стены и срежь пучок душистого лука, – распорядилась тетка.

Я сбегал к углу стены и срезал пучок.

⁷ Широкая кирпичная или глиняная лежанка с печным подогревом внутри.

– Помой его как следует.

Я помыл кое-как.

Присев на корточки рядом с тетей Ма, я наблюдал, как она уложила бычьи яйца на разделочную доску и принялась рубить. Нож затупился и не резал. Тетя Ма несколько раз провела лезвием по краю водной кадки, отчего с шипением посыпались искры. Она вернулась к нарезке – и действительно, нож стал гораздо острее. Разрезав яйца пополам, она обнаружила внутри переплетение жил, которые аккуратно выскрести было невозможно. Как раз в этот момент рябой дядя Ма забарабанил по оконной раме с наказом:

– Выскреби начисто все вонючие жилы, иначе жрать будет невозможно!

– Успокойся! – крикнула в ответ тетка. – А не веришь – сам приходи и сделай! – И тихо добавила себе под нос: – Вот еще! Выскреби ему начисто, даже Лю Куайдао Быстрорез из больницы не справился бы с этой дрянью!

Даже не попытавшись достать жилы, тетя Ма взмахнула ножом и шумно нарезала шесть бычьих яиц в горку мелких кубиков.

– Эту дрянью даже повар Чан Кайши не смог бы приготовить без запаха, – ворчала она. – Но в этом самом запахе и есть вся соль! Правильно говорю?

Я поспешно согласился.

В этот момент рябой дядя Ма снова застучал в окно, подгоняя:

– Поживей давай!

– Уже, уже! Сейчас на сковороду отправим. Лохань, иди разведи огонь.

Я подошел к печи, вытащил из соломенного уголка пучок сухой травы и разжег огонь.

Тетя Ма пару раз наспех прошлась кухонным веником по сковороде, затем зачерпнула пару капель масла из глиняного горшочка за печью. Аромат мгновенно ударил мне в нос.

В этот момент со стороны ворот раздался крик:

– Бригадир! Бригадир!

Я сразу узнал голос дедушки Ду.

В следующее мгновение старик втащил во двор веревки, привязанные к быкам. Трое только что замученных животных жались друг к другу у ворот, задрав головы. У всех подкашивались ноги, словно они вот-вот рухнут на землю.

Рябой дядя Ма спрыгнул с кана и вылетел во двор.

– Ты чего? Что за безобразие?!

Товарищ Лао Дун выбежал за ним, тревожно спрашивая:

– Что-то случилось?

Дедушка Ду проигнорировал вопрос товарища Лао Дуна и обрушился на рябого дядю Ма с жалобой:

– Бригадир начальник, вам-то хорошо – едите, пьете, жизнью наслаждаетесь, а я?

– Лао Ду, в твои-то годы ведешь себя как малое дитя! – ответил рябой дядя Ма. – У нас в стране есть еще протокольный департамент для приемов, когда Цяо Гуаньхуа будет угощать Киссинджера, тоже к ним за стол полезешь?

– Да я совсем не это имел в виду! – взволнованно ответил дедушка Ду.

– А что же ты имел в виду, как не это? – спросил рябой дядя Ма.

– Товарищ Лао Дун ведь строго-настрого велел не давать им ложиться, особенно Двуспинку, так? Если лягут – края раны разойдутся, так? А разойдутся – не заживут, так? А они так и норовят лечь! Вожу их на веревке – они пытаются присесть, отойду на секунду – уже валяются!

– Так не отходи от них!

– А поесть-то мне когда? – воскликнул старик. – Я хоть и не буду с товарищем Лао Дуном бычьи яйца кушать, но хоть батат дома могу перехватить? Да и коров в производственной бригаде всех тринадцать покормить надо! И поспать хоть немного...

– Понятно, понятно, хватит, ничего больше не говори, партия тебя не оставит, – прервал его рябой дядя Ма, после чего громко крикнул во двор: – Лохань, вот тебе легкая работенка – иди помогай дедушке Ду с быками. Засчитаем как полный трудовой день.

Тетя Ма вывалила бычьи яйца на раскаленную сковороду. Масло зашипело, и едкий, но аппетитный запах ударил до самого потолка.

– Лохань, ты слышал или нет?! – орал со двора рябой дядя Ма.

– Иди, я тебе мисочку оставлю, – шепотом пообещала тетя Ма. – Как стемнеет – позову.

Я поднялся и вышел во двор. Багряное солнце уже клонилось к горизонту.

3

Дедушка Ду передал мне быков, развернулся и зашагал прочь.

– Дедушка, побыстрее, я ведь тоже не ел! – крикнул вдогонку я, но он даже не обернулся.

Я взглянул на троих несчастных, искалеченных быков. Они тоже смотрели на меня. Их влажные глаза были полны глубокой скорби. Теперь им больше никогда не придется взбираться на коров. Двуспинку еще повезло, у него осталось потомство, а вот обоим лусийцам было суждено исчезнуть на веки вечные, не оставив ни сыновей, ни внуков. Но в их глазах не просто таилась печаль, они горели и другим чувством. Мне почудилось, что это ненависть к людям. Мне стало не по себе. Если я поведу их вперед, они вполне могут напасть сзади – даже израненные, они запросто забодают меня до полусмерти. Тогда я сказал им:

– Братцы, вы уж на меня не сердчайте. Мы ведь старые друзья. Помните, через что нам с вами пришлось пройти прошлой зимой, в собачий холод, в низине на северо-востоке? Будь моя воля, я бы вас не холостил...

И, кажется, в их глазах мелькнуло понимание, а еще они наполнились слезами. Быки громко всхлипывали. Я погладил их по лбам, мне правда было их очень жаль.

– Лусийчики, Двуспинок, – сказал я, – давайте пройдемся, для вашего же блага.

И тут я услышал, как один из лусийцев негромко сказал:

– Если у нас даже яйца отняли, какая разница – жить или сдохнуть?

– Братцы, даже не думайте так! – сказал я. – Как говорится, живой пес лучше дохлого льва. Давайте пройдемся...

Я потянул быков за веревки, и мы двинулись по переулку мимо дома рябого дяди Ма к реке.

Когда наша компания добрались до берега, солнце уже скрылось. На западе еще алела облачная полоса заката – точь-в-точь как кровь на задних ногах Двуспинка. По насыпи густо росли софоры, как раз сейчас наступила пора, когда их цветы распускались во всей красе. Аромат стоял такой густой, что у меня закружилась голова. Софоры бывают двух видов: одни – белоснежные, другие – розовые. Но сейчас, в свете заката, и те и другие казались кроваво-красными.

Я вел быков вдоль реки, бредя сквозь малиновый свет заката и дурманивший аромат софор. Голова кружилась, а на душе было печально. Быкам было еще печальнее. Я все время думал о яйцах на сковороде тети Ма. Пусть вонючее, но все-таки мясо! А я последний раз ел жирное мясо пять лет назад, когда сестру замуж выдавали, – и то спер. Я грустил оттого, что не смогу отведать бычьих яиц, а быки грустили оттого, что их этих яиц лишили. В каком-то смысле мы все печалились об утрате яиц и в какой-то степени были товарищами по несчастью.

Сумерки уже сгустились, а дедушка Ду так и не появился. Я полгода помогал ему пасти скот и успел изучить его скверный характер. Он частенько выкапывал зерно из мышиных нор и ссыпал себе в карман, а еще обещал отдать мне в жены младшую дочь, обманом заставив меня выполнять каждый его приказ, словно мальчику на побегушках. Огород его, примыкавший к речной дамбе, был щедро полит моим потом. Целых девять грядок душистого лука, и каждый сбор продавался за несколько десятков юаней. А первый весенний урожай приносил и того больше. Размышляя об огороде дедушки Ду, я не заметил, как там и оказался.

По краям огорода стеной стояли молодые павловнии – говорят, элитный сорт, завезенный еще во времена, когда Цзяо Юйлу⁸ был секретарем парткома в уезде Ланькао. Девять грядок душистого лука уже вымахали на половину чи⁹, что означало для него скорую встречу с

⁸ Цзяо Юйлу (1922–1964) – герой-революционер, известный своей честностью и преданностью партии.

⁹ 1 чи = 0,33 м.

серпом и поездку на рынок. Я сразу же увидел дедушку Ду. Согнувшись, он поливал грядки с луком жидкими фекалиями. Вообще-то фекалии считались общественной собственностью и принадлежали бригаде, но старик беззастенчиво таскал их на свой огород. На что он рассчитывал? На то, что его старший зять работал поваром в столовой народной коммуны. Этот зять был тощий, как богомол. Говорили, все предыдущие повара сначала тоже были тощими, но меньше чем за год раздувались, как пузыри. Секретарь парткома злился, кричал, что повара объедают народную столовую, и выгонял раздобревших. Только зять дедушки Ду годами оставался худым, и секретарь парткома говорил, что он не гораздый пожрать. Хотя сам старик мне как-то проболтался, что его тощий зять – проглот еще тот, зараз может три пампушки усидеть и сверху утрамбовать миской жирного мяса. Что такое «праздник живота»? Дедушка Ду говорил, что его старший зять вечно гуляет на этом празднике, всю жизнь обжирается деликатесами, не зря, значит, на свет родился... Преисполнившись обиды, я уже набрал было воздуха, чтобы громко возмутиться, как вдруг увидел, что с речной дамбы, покачивая двумя ведрами на коромысле, легкой походкой спускается младшая дочь дедушки Ду – Ухуа.

Именно ее обещал отдать за меня дедушка Ду, и именно о ней я уже успел наметать себе кучу радужных картин. Как-то раз я стащил из кармана рябого дяди Ма два мао, купил в сельпо двадцать фруктовых конфет – себе оставил только две, а остальные восемнадцать отнес ей. Она уплетала мои конфеты, хихикая от удовольствия, но стоило мне коснуться ее груди, как она без раздумий двинула мне кулаком под дых, так что я аж на землю упал.

– Еще пушок не пробился, а мысли уже о всяком, – фыркнула она.

Чем больше я об этом думал, тем обиднее становилось: восемнадцать конфет коту под хвост, да еще и кулаком обидели. Глупее меня, кажется, во всем мире было не сыскать.

– Верни мои конфеты!.. – разревелся я. – Верни конфеты!..

– Подарок – как дерьмо, коли вышло – взад не запихаешь, – ответила она, забрызгав мне лицо сладкой слюной. – Раз уж подарил, назад уже не отберешь.

– Ладно, – всхлипнул я, – можешь не отдавать, но тогда дай себя потрогать!

– Сестру свою потрогай!

– Не хочу сестру, хочу тебя!

– Вот ведь паршивца кусок! – воскликнула она. – Такой сопляк – и уже руки распускает!

Что же будет, когда вырастешь?

– Не дашь потрогать – верни конфеты!

– Вот прилипала! – Она огляделась по сторонам и понизила голос: – Прямо уж очень надо?

Я закивал, потому что от волнения все слова вылетели из головы.

Она юркнула за ствол софоры, натянула полы ватной куртки и нетерпеливо сказала:

– Давай быстрее, коли такой нетерпеливый.

Я потянулся к ней дрожащей рукой...

– Хватит! – отстранилась она.

– Еще нет.

Она отпихнула меня.

– Да пошел ты! С тебя и этого хватит! – И, сверкнув глазами, предупредила: – Если кому-то проболтаешься про сегодня, я тебе рот разорву!

– Вообще-то твой отец пообещал отдать тебя мне в жены! – заявил я.

Она замерла на мгновение, а затем вдруг рассмеялась, прикрыв рот ладошкой.

– Чего ты смеешься? Это правда! Не веришь – сама у него спроси.

– Тебе-то, мелюзге? – фыркнула она.

Тут мне вспомнилась история, которую рассказывала тетя Ма, – про взрослую невесту и маленького жениха. Я процитировал несколько строчек из той истории:

– Гирька мала, но весы удержит, перец мелок, но жжет язык. Нынче я мал, потерпи немного, завтра стану большой мужик!

– Кто тебя этому научил? – спросила она.

– Не твое дело, – ответил я.

– Ну что ж, – сказала она, – расти себе потихоньку. Когда вырастешь – приходи свататься. И с этими словами ушла.

Вскоре после этого произошло крайне болезненное для меня событие. Ду Ухуа, обещавшая ждать, пока я вырасту, внезапно обручилась с плотником из соседней деревни. Этот плотника был едва ли выше меня ростом, с почерневшими оскаленными зубами и семью вихрами на голове, отчего его волосы вечно торчали в разные стороны. Он часто приходил в нашу деревню за древесиной с пилой и топором за плечом. За ухом у него всегда стильно торчал карандаш. Полагаю, именно из-за этого карандаша Ду Ухуа и согласилась на свадьбу. В день ее помолвки у ворот дома Ду собралась толпа зевак. Я затесался среди них. До меня долетали пересуды деревенских баб, обсуждавших, что все дочки Лао Ду – кровь с молоком, вот и судьба у них сложилась счастливая. Старшая замужем за поваром из народной коммуны, каждый день объедается вкусностями. Вторая вышла за работника лесной промышленности с Большого Хингана. Когда они приезжали в гости, оба щеголяли в лисьих шапках, вельветовых брюках и бархатных кофтах. Третья досталась парню, который ухаживал за овчарками в уездном отделе общественной безопасности. Хотя он и носил обидное прозвище Собачий объедок, но собачьи объедки все-таки мясные. У четвертой сложилось еще удачнее – она вышла за Сун Улуня, начальника забойной группы нашей коммуны. В его руках ежедневно оказывались десятки талонов на мясо, и куда бы он ни пошел – везде его встречали как сладкого пирожочка. Ну а пятая досталась плотнику, который, казалось, был настоящими граблями для загребания денег.

Тут как раз подошла процессия от жениха. Боже ты мой! Целый караван из четырех велосипедов «Дацзиньлу», на каждом по три огромных бамбуковых корзины, укрытых красными покрывалами. Едва велосипеды остановились, бабё, галдя, тут же окружило их и бросилось срывать покровы. В корзинах громоздились исполинские пампушки, белые как снег, с алыми крапинками сверху. Дедушка Ду и тетушка Ду, разодетые в пух и прах, с радостными улыбками вышли навстречу. Я пытался разглядеть, как ведет себя Ухуа, но она мастерски затаилась, как гоминыдановский шпион. Позже я услышал, что семья плотника подарила Ду Ухуа три костюма: один – из вельвета, другой – из вельветина, третий – из габардина. Еще три пары нейлоновых носков: одни – красные, другие – синие, третьи – лиловые. И три пояса: один – из бычьей кожи, другой – из свиной, третий – из искусственной. Говорили, будто Ухуа, застенчиво опустив глаза, назвала отца плотника батюшкой, и тот вручил ей сто юаней. От вестей о таких несметных богатствах мое возмущение поутихло. Будь я на месте Ухуа, то тоже без раздумий пошел бы за этого плотничка.

А теперь моя бывшая невеста Ду Ухуа с ведрами на коромысле спускалась с берега, словно ястреб, пикирующий на добычу. Все в ней было большим. Большая голова, большое лицо, большой рот, большие глаза, большие руки и ноги. Она и вправду могла бы одной оплеухой сбить меня с ног и уложить пузом на траву. Она и вправду могла бы одним пинком отправить меня в полет на пару чжанов¹⁰. Женись я на ней, сделай что не так, она бы меня прибила. Но в моем сердце по-прежнему теплились нежные чувства к каждому уголку ее мощного тела. Ведь когда-то она была моей невестой. В те времена у нее было прозвище Шестьсот трудодней, хотя на самом деле она получала больше трех тысяч в год. Среди женщин нашей бригады у нее был самый высокий показатель. Было у нее и другое прозвище – Триширокая. И конечно, это не означало «широкое высказывание мнений, широкое изложение взглядов и широкая про-

¹⁰ 1 чжан = 3,33 м.

паганда»¹¹, а, как поговаривали, означало широкий лоб, широкий зад и широкую грудь. Мне это прозвище не нравилось, и я знал, что и сама она его терпеть не может. После помолвки с плотничком я как-то раз повстречал ее на берегу реки и со всей злости, на какую был способен, крикнул: «Эй, Триширокая!» Она схватила коромысло и гналась за мной добрых три ли¹². Хорошо еще, что я с детства лазал по крышам и деревьям, отчего ноги стали быстрыми, как у зайца, иначе не унес бы их. Я точно знаю: догони она меня тогда, живым бы не ушел. С тех пор при встрече она сверлила меня бешеным взглядом, а я почтительно кланялся.

Болтая ведрами на коромысле, она стремительно подлетела ко мне и спросила:

– Эй, Лохань, ты чего здесь ошиваешься? Уж не хочешь ли наш лук украсть?

– Больно нужен мне ваш гнилой лук! – фыркнул я.

– Раз не нужен, чего тогда тут крутишься?

– Старого подлеца – твоего папашу ищу!

Не удостоив меня ответом, она влетела в огород, раскачивая ведрами. Близились пора вооружаться серпами и пожинаать урожай, и я знал, что перед самым сбором урожая ее семья заликает грядки водой по самые помидоры, чтобы лук потяжелел. Я увидел, как она выплескивает оба ведра на грядки, даже не сняв их с коромысла. Силищи этой бабе было не занимать. На обратном пути, покачивая ведрами, она задрала голову и выпятила грудь. А я со своими быками шел через переулок и перегородил ей дорогу.

– А ну сгинь! – велела она, уставившись мне прямо в глаза.

Я в ответ уставился в глаза ей и заявил:

– Я бригадных быков выгуливаю, а ты тут капитализмом занимаешься, с какой стати я должен уступать?

– Лохань, вижу я, какой расчет у тебя в голове, – усмехнулась она. – Да ты бы хоть в лужу на себя глянул, на что ты надеешься?

– С тех пор как за плотника замуж собралась, ты все страшнее становишься!

– Я и раньше красоткой не была, ты только сейчас заметил?

– И усы черные у тебя над губой выросли!

Она потрогала губы и беззвучно рассмеялась. Потом тихо сказала:

– Ладно, я уродина, у меня усы, я Триширокая – доволен? Пропустишь теперь?

– Ты меня обманула... Обещала, что подождешь, пока я вырасту...

И тут из моих глаз внезапно хлынули слезы. Я-то всего лишь думал притвориться, надеясь разжалобить ее и, возможно, потрогать что-нибудь еще, но слезы побежали самые настоящие, да еще и неиссякаемые. И тогда из ее широкой груди вырвался глубокий вздох. И вместе с этим вздохом на лице ее проступила нежность. В тот миг она стала невероятно прекрасной, по крайней мере в моих глазах.

– Ах, Лохань, Лохань, – растерянно пробормотала она. – Вот уж и впрямь мал да удал... Ну что с тобой делать? Ты хоть подумал, что, когда ты вырастешь, я уже седой старухой стану?

– Дорогая сестрица, дорогая Триширокая, – сказал я. – Ты правильно сделала, что обручилась с плотником, стоило обручиться хотя бы ради тех белых пампушек. Но почему ты мне хоть одну не дала?

– Если дам пампушку, перестанешь дуться? – рассмеялась она.

– Да, скорее всего, перестану, – кивнул я.

– Ну что ж, договорились, – сказала она.

– И еще я хотел бы... – начал было я.

– Чего еще?! – спросила она, не сводя с меня глаз. – Ты на голову-то мне не садись.

– Я хотел бы тебя потрогать... – пробормотал я.

¹¹ Лозунги времен «культурной революции» (1966–1976).

¹² 1 ли = 0,5 км.

– Тогда иди договаривайся с моим плотником, – сказала она. – Теперь все, что есть в моем теле, принадлежит ему. Если разрешит – трогай на здоровье.

– Да как я посмею к нему пойти?!

– Так я и думала, что не посмеешь. Его топорик быстрее ветра, вмиг отрубит твою собачью лапу!

– Ухуа! Чего ты там шушукаешься? Быстрее воду неси! – раздался вдруг сердитый голос дедушки Ду, который внезапно выпрямился на грядке во весь рост.

– Это я, дедушка Ду! – крикнул я в ответ. – Вы тут капитализмом занимаетесь, а на меня трех быков повесили! Разве так можно? Вы издеваетесь над ребенком!

– Лохань, потерпи еще чуток, – ответил старик. – Я поем и сменю тебя.

– Да я с полудня во рту маковой росинки не держал! Живот к позвоночнику прилип!

– Какие между нами счеты? Всю зиму да полвесны бок о бок быков пасли, можно сказать, старые друзья! Ты же не развалишься, если чуть подольше погуляешь с ними.

«Вот ведь старый хрыч, – подумал я. – Опять сладкими речами голову морочит. Не на того напал!»

Я швырнул веревки на землю:

– Двуспинок вот-вот на пузо рухнет. Сдохнет бык – посмотрим, с кого бригадир за это спросит!

Мой трюк сработал: дедушка Ду выскочил с огорода, словно испуганная обезьяна.

– Лохань, Лохань, не надо так! – взмолился он, подхватывая веревки и суя их мне в руки. – Погуляй еще немного, а я уж пойду домой поем.

И потрусил домой.

– Так с моим отцом обращаешься и еще мечтаешь меня потрогать? – холодно сказала Ухуа.

– Если бы ты дала себя потрогать, разве я бы так с ним обращался? – парировал я.

4

Мы кругами водили изможденных быков по переулку у дома рябого дяди Ма. Каждый раз, оказываясь у его ворот, не стовариваясь, останавливались, затаив дыхание, прислушиваясь к звукам из дома. Глаза дедушки Ду горели в полумраке. Он шумно втягивал воздух носом и бормотал:

– Черт побери, как же пахнет!

Я и правда уловил аппетитный аромат, хотя и не был уверен, что это точно жареные бычьи яйца. Но каким еще жаревом могло пахнуть, если не бычьими яйцами?

Я бросил старику веревки от лусийских быков и рванул к дому, забыв обо всем на свете – но только не о миске с бычьими яйцами, которую пообещала тетя Ма. Она говорила, что оставит мне миску и позовет, когда стемнеет. Но уже давно наступила ночь, а она так и не пришла за мной. Стоило ли ждать, когда меня позовут? Нужно ли вообще ждать, когда меня позовут на бычьи яйца? Разве я кто-то настолько важный? Если я не воспользуюсь моментом и не ворвусь сейчас, эту миску наверняка слопают неизвестно кто.

Дедушка Ду не только не поймал брошенные ему веревки, но и выронил свои.

– Куда это ты собрался? – зло спросил он, схватив меня за руку.

– Пойду посмотрю, что там тетя Ма жарит, – ответил я.

– Не тебе туда ходить, – сказал он. – Если кому и смотреть, так это мне.

– С какой это стати? – выкрикнул я, изо всех сил стараясь вытящить руку из его хватки.

– Я старше, – отрезал старик. – Да и дело к бригадире имею, совета надобно спросить.

Он пихнул меня обратно к быкам:

– Смотри в оба, чтоб не легли!

И со свирепым видом ворвался во двор рябого дяди Ма.

Во мне закипела ярость. Мне живо представилось, как этот старый хрен пожирает бычьи яйца из миски, которая по праву должна была быть моей.

«Лусийцы, старший и младший, Двуспинок, вы, что яиц лишились! – мысленно закричал я. – Коли хочется – ложитесь! Не боитесь, что рана разойдется, – ну и ложитесь! Нажились на этом свете – так и ложитесь!»

Как я, известный на всю деревню отпетый сорванец, мог позволить старому хрычу Ду отобрать мое по праву лакомство? Бросив быков, я крадучись пробрался во двор. Но страх перед дядей Ма все же удержал меня от жесткого вторжения. Требовалась разведка.

Избегая света, падавшего из дверей кухни, я пригнулся и прокрался к освещенному решетчатому окну. Оконный переплет был заклеен белой бумагой. Как рассказывали в историях, я высунул язык и кончиком размочил бумагу, проделав дырочку. Заглянув в эту дырочку, я прежде всего заметил тарелки на водруженном на кан столике из лакированного красного дерева. Тарелок было три: в одной оставалось немного жареных бычьих яиц с луком, в другой – немного жареных бычьих яиц с луком, в третьей – еще около половины тарелки жареных бычьих яиц с луком. Помимо этих тарелок, на столике красовались две зеленые чарки для вина, а кроме этих зеленых чарок для вина – еще две пары красных палочек для еды. На столе также возвышалась зеленая бутылка из-под пестицидов. Конечно, сейчас в ней был не пестицид, а крепкая водка. В те времена мы любили хранить спиртное в бутылках из-под пестицидов. Когда пестицид заканчивался, мы бросали бутылки в реку вымачиваться, через три-пять дней вытаскивали и наливали в них вино. Рябой дядя Ма говорил, что в таких бутылках вино приобретает особенный аромат. На кане друг напротив друга, разделенные столом из лакированного красного дерева, сидели рябой дядя Ма и товарищ Лао Дун.

Красная столешница лоснилась, как шкурка баклажана. Это было приданое, которое тетя Ма привезла с собой, выходя замуж за рябого дядю Ма. Низенький столик считался их фамиль-

ной ценностью, и выносили его только к самым почетным гостям. «Товарищ Лао Дун, да вы, оказывается, важная птица!» – подумал я. Со стороны рябого дяди Ма на краю кана сидела, развернувшись боком, тетя Ма. Ее губы блестели жиром – судя по всему, она тоже воспользовалась палочками рябого дяди Ма и угостилась. Ее лицо порозовело – судя по всему, она пригубила из его винной чарки. Наконец в поле моего зрения попал мерзавец дедушка Ду, сидевший на длинной скамье перед каном. Тот самый старый хрыч Ду Юйминь, который пообещал выдать за меня свою дочь Ду Ухуа, но обманул и обручил ее с плотником из соседней деревни. Официально его звали Ду Юйминь, но мы никогда не называли его так, мы звали его Трумэн. Трумэн сидел на скамье, положив руки на колени, с прямой спиной, точь-в-точь первоклашка. На его подбородке торчала седая козлиная борода. Лицо было вытянутое, верхняя губа – короткая, а нижняя – длинная. Причем не только длинная, но и толстая. Глаза у него были один больше другого. Большой стал таким из-за нарыва на веке, который случился с ним в молодости. Маленький глаз бегал туда-сюда, а большой смотрел прямо и не двигался. На нем был черный стеганный ватник с рядом медных пуговиц посередине. Он говорил, что эти пуговицы достались ему от деда. Медные пуговицы сверкали, точь-в-точь как его башка.

– Товарищ Лао Дун, бригадир, докладываю вам, – сказал он, дергая толстой губой. – Яйца у старшего и младшего лусийцев уже не кровят, и у Двуспинка во время ужина тоже перестало кровить.

– Хорошо, хорошо, – ответил товарищ Лао Дун. – Раз кровь остановилась, значит, все в порядке.

Лицо товарища Лао Дуна из серовато-белого стало лилово-красным – видно, он уже изрядно выпил. Как государственный служащий, он не мог сидеть по-деревенски, скрестив ноги. Они у него были длинные и непослушные, и он то вытягивал их, то поджимал.

– Товарищ Лао Дун, если вам неудобно, подложите нашу подушку! – предложила тетя Ма.

– Ну как же, как же... – пробормотал товарищ Лао Дун. – Неудобно как-то...

– Да что вы церемонитесь! – воскликнула тетя Ма, достала с изголовья кана подушку и сунула под товарища Лао Дуна.

– Теперь удобно, – обрадовался он.

Дядя Ма взял бутылку, налил полную чарочку товарищу Лао Дуну и произнес:

– Выпейте еще, сегодня вы знатно утомились.

Товарищ Лао Дун поднял чарку, цыкнул зубом и осушил ее одним глотком.

Трумэн облизнул губы и сказал:

– Бригадир, у меня есть предложение.

– Какое еще предложение? – недовольно спросил рябой дядя Ма.

– Яйца отрезать – серьезная операция, – сказал Трумэн. – Я предлагаю давать бычкам нашим отруби и жмых, размоченные в воде, чтобы силы подкрепить, чтоб на поправку скорей пошли...

– Болтать не кули ворочать, – ответил рябой дядя Ма. – Отруби и жмых с неба, что ли, упадут? В бригаде даже на керосин для ламп денег нет.

Трумэн обернулся к товарищу Лао Дуну.

– Товарищ Лао Дун, как вы считаете, нужно ли подкармливать холощенных бычков?

Товарищ Лао Дун посмотрел на рябого дядю Ма и сказал:

– Если есть возможность, то, конечно, хорошо бы. Если нет, то ничего страшного. В конце концов, это всего лишь скотина.

– Есть у тебя еще дела? – спросил рябой дядя Ма. – Если нет, иди выгуливай быков. На этого обормота Лоханя нельзя положиться.

– Пошел, – сказал Трумэн, поднимаясь, но вдруг будто что-то вспомнил. – Вот ведь, заболтался, чуть главное-то не забыл!

Рябой дядя Ма пристально посмотрел на него, словно читая его мысли.

– Мой зять, муж старшей дочери, узнал, что у нас в бригаде быков холостят, и специально примчался, – уставившись на блюдо с бычьими яйцами, продолжил он. – Говорит, секретарь парткома коммуны товарищ Чэнь обожает бычьи яйца, вот и послал за ними! А я говорю – опоздал ты, парень, к этому времени наш бригадир не то что шесть, а шестьдесят яиц успел бы себе в пузо заправить. Зять боится назад ехать, думает, нагоняй получит. А я говорю – скажи, мол, бригада отдала яйца ветерану дяде Чжану. Разозлится секретарь Чэнь, да что поделаешь? А зять мне такой: ну вы, батя, и хитрец! А еще зять велел вам передать, что, когда бычьи яйца готовишь, нужно добавить чуток уксуса, чуток вина, еще чуток зеленого лука и чуток имбиря, а если есть, то еще сычуаньский перец и бадьян, совсем хорошо. Тогда, даже если не вырезать вонючие жилки, запаха не будет. А без этих приправ, даже если жилки и выскоблить, так и будет вонять. – Он взял палочку со стороны товарища Лао Дуна и начал тыкать ею в куски на блюде. – Вы только душистым луком приправили?

Он взял еще одну палочку, и теперь у него в руках оказалась пара. Подхватив кусок бычьего яйца, он поднес его к носу, понюхал и заключил:

– Хорош продукт, а вы его испортили! Жаль, ох как жаль! Если бы мой зять приготовил, вкуснее было бы в сто раз! – Он снова шумно втянул носом воздух. – Воняет, ох как воняет... Эх, какая досада!

– Братец Ду, попробуйте кусочек, может, во рту и не будет вонять, – предложила тетя Ма.

– Как ты смеешь предлагать братцу Ду такую дрянь? – набросился на нее рябой дядя Ма. – У него в доме мясо да рыба гниют ненужные, разве станет он такое есть!

Дедушка Ду положил кусок обратно на тарелку, бросил палочки перед товарищем Лао Дуном и сказал:

– Что гниет – вранье, а вот что мясо у нас не переводится, то правда. Все-таки другой зять у меня в забойной группе работает!

– Лао Ду, вы самый удачливый старик из всех, кого я встречал! – сказал товарищ Лао Дун. – Даже отец секретаря парткома коммуны так вольготно не живет!

– Вашими молитвами, – ответил дедушка Ду и направился к выходу. Сделав пару шагов, он обернулся: – Бригадир, у меня уже года не те, ночами не могу дежурить. До полуночи посижу, а после уж не мое дело.

– Как не твое, а чье? – оторопел рябой дядя Ма. – Ты же скотник!

– Скотник кормит, а не выгуливает.

– Мне все равно. Если с быками что случится – отвечать тебе!

– Издеваешься над стариком! – проворчал дедушка Ду и вышел.

Я испугался, что он заметит меня, поэтому присел под окном. Но он только что вышел из освещенной комнаты и в темноте ничего не видел. Я наблюдал, как он, пошатываясь, вышел во двор. Воспользовавшись моментом, я прокрался на кухню, приподнял крышку сковороды, запустил руку внутрь и, как и ожидалось, нащупал миску. Пошупав еще немного, я понял, что внутри, как и ожидалось, что-то лежит. В нос мне тут же ударил аромат жареных бычьих яиц. Тетя Ма действительно была честной и обязательной женщиной. Схватив миску, я рванул во двор. В этот момент за воротами раздался крик папаши Ду:

– Бригадир, беда! Бригадир, беда! Быки все попадали!

Мне уже было не до того. Я сидел в тени за стогом сена, хватал бычьи яйца и жадно запикивал их в рот. Я видел, как рябой дядя Ма и товарищ Лао Дун поспешно выбежали со двора. Слышал, как дядя Ма громко кричал:

– Лохань! Лохань! Где ты шляешься, засранец?!

Я торопился, глотая куски не разжевывая и не замечая, воняют они или нет. Доев, поставил миску, громко рыгнул и неспешно вырулил из-за стога. Снаружи продолжался переполох, а я втайне был крайне доволен. Лао Ду, Лао Ду, старый лис, сегодня ты мне проиграл!

Едва я вышел за ворота, как рябой дядя Ма схватил меня за шкуру:

– Где твои яйца носило, паршивец?

– Я не носил никаких яиц, – честно признался я. – Я их ел. Бычьи.

– Что? – поразился дедушка Ду. – Ты съел бычьи яйца?

– Конечно, съел! Целую миску!

– Вот видите, бригадир! Вы одной крови, оба по фамилии Гуань! Я ему быков доверил, а он пошел яйца жрать, а быки теперь попадали! Не сдохнут – не страшно, но если сдохнут – моей вины тут нет! Товарищ Лао Дун, вы свидетель!

– Хватит болтать! – тревожно прервал его товарищ Лао Дун. – Быков поднимать надо!

Я наблюдал, как они, кряхтя и пыхтя, поднимают быков. Поднимут лусийца – упадет Двуспинок, поднимут Двуспинка – снова валится лусиец. Они промаялись уйму времени, прежде чем поставили всех на ноги. Товарищ Лао Дун чиркнул спичкой и зажег огонь, чтобы осмотреть раны. Я увидел, как из распухшей мошонки Двуспинка выдавливаются сгустки черной крови, похожие на виноградины. Товарищ Лао Дун выпрямился, громко и вонюче рыгнул, пошатнулся и сказал:

– Слава небу, всего лишь застойная кровь. Может, даже к лучшему, что вышла, в мошонке бы только мешалась. Но предупреждаю вас, серьезно предупреждаю: ни в коем, ни в коем случае не допускайте, чтобы они снова ложились! Если упадут – беды не миновать. Лао Гуань, как бригадир, ты лично должен проследить! В работе так – коли взялся не крепко, считай, что и не брался...

– Не беспокойтесь, я лично займусь, – поспешно заверил рябой дядя Ма. – Так возьмусь, что никто не уйдет!

5

Рябой дядя Ма даже не думал «заниматься» и уж тем более «браться так, что никто не уйдет». Проводив товарища Лао Дуна, который уезжал на велосипеде, петляя, как слепой олень, он прислонился к стене, чтобы справить малую нужду.

– Бригадир, – снова заныл дедушка Ду, – днем я кормлю быков и убираю в стойлах. Не могу же я и ночами их выгуливать!

– А кто тогда может? Я, что ли? – с кривой ухмылкой спросил рябой дядя Ма, обернувшись к нему через плечо. – Не думай, что, раз у тебя зятя в коммуне должности занимают, можно забывать, как тебя зовут! Мясники да повара в старое время самым отребьем считались, а теперь носы задрали!

– Значит, по-вашему, сейчас хуже, чем до освобождения? – холодно уточнил дедушка Ду.

– Кто сказал, что хуже?! – вспыхнул рябой дядя Ма. – Мы, три поколения бедняков, только и знали что невзгоды да ненависть. До освобождения в горькой воде томились, а теперь сладкой поливаемся, разве я мог бы сказать, что сейчас хуже? Это только вам, старым середнякам, такое в голову приходит. Не забывай, вы всего лишь объект для сплочения, а мы – основная революционная сила! Председатель Мао говорил: «Без бедняков нет революции» – ты это понимаешь?

Пыл дедушки Ду сразу поутих, и он побормotal:

– Я же за общее благо... Эти три быка важны, но и тринадцать коров тоже ведь важны...

– Важно не важно, совсем мне голову заморочил! – отмахнулся рябой дядя Ма. – Завтра разберемся.

С этими словами он зашел во двор и с грохотом захлопнул ворота.

Дедушка Ду плюнул в сторону ворот и тихонько выругался:

– Скотина рябая, чтоб ты без потомства сдох!

– Как вы смеете моего дядю Ма ругать?! – возмутился я.

– Ругаю и буду ругать! – зашипел дедушка Ду. – Рябой, чтоб ты бездетным помер, чтоб тебе дурной смертью кончиться! Ну и что? Иди нажалуйся ему!

Дедушка Ду, таща за собой Двуспинка, с трудом побрел вперед. Бык хромал и шатался, как дряхлый старик на последнем издыхании. При мысли о том, с каким молодым задором он еще недавно покрывал коров в северо-восточной низине, мое сердце наполнилось горечью. Я шел следом, ведя за собой старшего и младшего лусийцев. Мое лицо находилось совсем близко к хвосту Двуспинка – нос на уровне его хребта, так что взглядом я мог выхватить спину старика Ду поверх сгорбленной бычьей.

В полном молчании мы доплелись до речной дамбы. Густой аромат цветов софоры наполнил ночь, словно туман, и от него я неистово расчихался. Двуспинок тоже несколько раз чихнул. Мои чихания не причиняли мне страданий, даже наоборот, будто бодрили, но для быка каждый раз был мучителен. Ведь при чихании все мышцы его тела неизбежно сокращались, что немедленно вызывало боль в ране. Я видел, что каждый раз, когда он чихал, его спина выгибалась, как у дромадера.

Дедушка Ду не обращал на меня внимания, все из-за той проклятой миски с бычьими яйцами. Я прекрасно понимал его настроение. Он подвел Двуспинка к софоре и привязал повод высоко к стволу. Чтобы бык не мог лечь, он оставил совсем короткий кусок веревки. Двуспинок вытянул шею, будто его подвесили на дереве. Я невольно восхитился его смекалкой, ведь это же такой простой выход, и как я сам не догадался? По его примеру я так же привязал старшего и младшего лусийцев к другому дереву. Теперь и я был свободен.

– Дедушка Ду, да вы голова! – воскликнул я.

Он, присев на пологий склон дамбы, холодно ответил:

– Моей голове с вашей не тягаться, батюшка!

– Мне же всего четырнадцать, меня нельзя батюшкой называть! – воскликнул я.

– А кого еще называть, как не вас? Себя, что ли? Я – батюшка, но мне и кусочка бычьего яйца не перепало, а ты – не батюшка, а все целую миску сожрал! Вот ведь времена пошли, никакой справедливости не осталось!

Чтобы успокоить его, я сказал:

– Дедушка Ду, вы правда думаете, что я съел целую миску бычьих яиц? Я же просто так сказал, я наврал вам!

– Значит, ты не ел? – обрадовался дедушка Ду.

– Вы, батюшка, только подумайте, – продолжал я, – дядя Ма голодный как волк, товарищ Лао Дун свирепый как тигр. Им не то что шести – и шестидесяти яиц не хватило бы!

– Но на тарелке же осталась добрая половина! – не сдавался старик.

– Разве вы не поняли? Это они тете Ма оставили.

– Вот же засранец, – проворчал дедушка Ду, – никогда не знаешь, верить тебе или нет.

Но я знал – он поверил, что яиц я не ел. По его ровному дыханию я понял, что он успокоился. Достал из-за пазухи курительную трубку, набил табаком, прикурил от вонючей бензиновой зажигалки. Едкий дым, словно нож, пропорол цветочный аромат софор.

Наступила глубокая ночь, в деревне погасли последние огни. В отсутствие луны по небу рассыпалось множество звезд. По переливающемуся Млечному Пути скользнула падающая звезда. Через дамбу до наших ушей долетал переливчатый, словно стеклянный, перезвон речных волн. Цветы софоры, сбившиеся в пышные гроздья, были словно живые. Теплый южный ветерок ласкал мое лицо.

Апрельская ночь была прекрасна, но, вспомнив пышущую здоровьем Ду Ухуа, я почувствовал, как она становится прямо-таки досадной.

Дыхание старшего и младшего лусийцев было ровным, а вот Двуспинок дышал тяжело. В животах быков урчало. Как и у меня в животе. Проведя много времени с коровами, я тоже научился отрывать жвачку. Съеденные бычьи яйца поднялись обратно. В идеале следовало бы медленно их разжевать, распробовать как следует, но я боялся, что дедушка Ду, который был хитрее обезьяны, учует запах, и потому силой загнал их обратно. В душе я ликовал, ощущение было такое, будто у меня припрятана миска мяса, когда все вокруг голодают. Но сейчас жевать жвачку было нельзя.

Я придвинулся к дедушке Ду.

– Дедушка, дайте затянуться.

– Мал еще курить!

– Только что звали меня батюшкой, а теперь вдруг мал?

– Тогда было тогда, а сейчас – это сейчас. Человек должен говорить то, что уместно в данный момент! – Он стукнул трубкой о подошву и с обидой добавил: – Лет двадцать назад, будь передо мной не то что вонючие бычьи яйца, а хоть целое блюдо жирной свинины, я бы и то не позарился!

– Дедушка Ду, да вы опять хвастаете! – сказал я.

– Была бы охота хвастаться перед таким сопляком, как ты! – фыркнул дедушка Ду. – Слушай сюда: в те времена в каждый базарный день в Масане мой батя как минимум пять цзиней мяса покупал, и это по старому весу – пять, а по-нынешнему – все семь с лишним! А если не мясо, так рыбу: черного амура, макрель, горбыля, рыбу-лягушку, каракатицу... Тогда рыбный рынок в Масане на три ли тянулся! Когда софора цветет, как раз сезон волосохвоста в разгаре, лежит по обочинам и сверкает так, что глазам больно! Большие белые креветки попарно на бамбуковых шпакках: пара – полцзиня, две пары – целый цзинь, и за пару всего два медяка. Тогда можно было есть что душе угодно, были бы деньги. А сейчас? Нигде уже не сыщешь ни таких креветок, ни волосохвоста, хоть сколько у тебя денег. Эх, куда все добро подевалось? Кто его все пожрал? Зять мой старший говорит, что все на экспорт пошло. Ну разве китайцы

не дураки? Добро свое за бугор отправляют, нет бы самим съесть! Деньги, говорят, выручают. А где эти деньги теперь? Просто народ дурачат! Да только нашего брата не так-то легко провести. Вроде молчим, а в душе все как в чистом зеркале. Вот взять нашу коммуны – больше сорока бригад, сотни звеньев, семь-восемь десятков тысяч ртов! А на весь базар одну свинью режут! Да и той даже на все начальство не хватает. А вот раньше на мясном рынке в Масане одних свиных туш на прилавках тридцать с лишним, не говоря уж о тех, кто быков, ослов да собак забивал, только скажи, чего душа пожелает. Быки тогда были здоровенные, мясистые, бататом да жмыхом откормленные – так аж лоснились, ходили вразвалочку, как живые горы мяса. С одного быка больше тысячи цзиней выходило. А сало было в три пальца толщиной! Куски ровнехонькие, как тофу, в котел бросил – раз-два, и сварилось. Возьмешь пять медяков, купишь цзинь горячей говядины, прихватишь четыре лян гаоляновой водки, сядешь на скамейку, потягиваешь, закусываешь, по сторонам любишься. Ну, ты представляешь, каково это?..

Я сглотнул слюну и спросил:

– Дедушка Ду, вы мне лапшу на уши вешаете? Разве в старом обществе действительно было так хорошо?

– Парень, кто сказал, что в старом обществе было хорошо? – спросил он. – Я просто рассказал, каково это – есть жирную говядину с горячей водкой.

– Но вы же ели эту говядину и пили водку в старом обществе?

– Ну... это... вроде бы да...

– Значит, говоря, что есть жирную говядину и пить горячую водку было хорошо, вы хвалите старое общество! – торжествующе заключил я.

– Ах ты, гаденыш! – рассердился дедушка Ду и вскочил. – Это ты мне ловушку подстроил и заманил туда!

– Это не я ловушку подстроил, это у вас проблемы с классовой позицией! – парировал я.

– Голубчик, просветите неразумного, что такое классовая позиция? – осторожно поинтересовался он.

– Вы даже этого не знаете?

– Я правда не знаю.

– Ну, классовая позиция... в общем, в старом обществе не было ничего хорошего, а в новом – все везде хорошее. У бедняков и середняков нет ничего плохого, а у тех, кто не бедняки и середняки, – ничего хорошего. Теперь поняли?

– Понял, понял, – закивал он. – Но... мяса и рыбы в те времена и правда было больше, чем сейчас...

– Больше-то больше, да беднякам и середнякам все равно не доставалось – все помещики и кулаки съедали.

– Зря ты так говоришь, юноша. Некоторые помещики и кулаки правда ели с неохотой, а некоторые бедняки, наоборот, очень были охочи. Вот, например, семья Фана Седьмого: у жены с детьми даже целых штанов не было, а они все жрали да жрали. Как соберут урожай, так тут же мчатся на рынок, продадут, купят рыбы да мяса, проедят все зерно, а потом идут к горе Наньшань побираться.

– Да вы клевете на старых бедняков! – воскликнул я.

– Да-да-да, клевету, клевету, – ответил он.

Так, сидя рядышком, мы замолчали. Ночной воздух загустел, уже стелился туман. С реки доносилось кваканье лягушек.

– Лягушки заквакали – значит, через тридцать дней можно будет есть свежую пшеничную муку... – пробормотал он себе под нос. – А уж какая она крепкая, свежая-то! И пельмени хороши, и лапша, и лепешки, да и паровые булочки – объедение! Белые такие, пышные, а уж если разломишь, так от запаха и опьянеть можно...

– Дедушка Ду, – не выдержал я. – Умоляю, хватит про еду говорить! Чем больше слушаю, тем больше есть хочется!

– Ладно, ладно, не буду, – ответил он, закурил трубку и угрюмо затянулся. Огонек в трубке то разгорался, то угасал, освещая его старое лицо.

Я зевнул во весь рот.

Он тоже зевнул во весь рот.

– Лохань, нельзя нам такими глупыми быть, – сказал он. – Главное – не дать быкам лечь, верно?

– Верно! – согласился я.

– Тогда почему бы нам не спать по очереди? – предложил он.

– А вдруг они лягут? – забеспокоился я.

Он встал, проверил веревки и заключил:

– Все хорошо, ручаюсь – ничего не случится. Веревки не порвутся, значит, и не лягут.

– Тогда я пойду домой посплю, – сказал я.

– Тебе, парень, сознательности не хватает, – ответил старик. – Мне шестьдесят восемь, я на год старше твоего деда, а тебе не стыдно первому уходить спать?

– У вас, дедушка, сознательность тоже не ахти, – возразил я. – Вам уже шестьдесят восемь, куда вам еще спать?

– Ладно, давай так, – сказал он, – задам тебе задачку. Справишься – пойдешь спать, не справишься – я пойду. – И, не дожидаясь моего согласия, продолжил: – В горах Лаошань на юго-востоке сосен тридцать шесть тысяч, на каждой сосне – девять сучьев, на каждом суку – девять гнезд, в каждом гнезде – девять яиц, в каждом яйце – девять птенцов. Ну-ка, посчитай, сколько всего птенчиков?

В школе у меня от одного упоминания арифметики раскалывалась голова. С числами до десяти я еще кое-как справлялся, считая на пальцах и почти всегда верно, а дальше путался. А тут дедушка Ду как с наскоку сразу выкатил десятки тысяч, и как бы я посчитал такое? И потом, если бы я мог такие числа шелкать, разве я бы тут среди ночи выгуливал быков?

– Дедушка Ду, вы опять туда же! – сказал я. – Я не умею считать, а если бы умел, то не стал бы, с какой стати мне мозги напрягать?

– Ну и молодежь нонче пошла, – вздохнул дедушка Ду. – Ни капельки не уступят.

– Старики нонче тоже не лыком шиты! – ответил я.

– Ну ты знатное отродье, достойный соперник попался, – сказал дедушка Ду. – Ну что ж, не будем спать, будем тут томиться.

Дедушка Ду плюхнулся на землю и затянулся своей трубкой, причмокивая губами.

Я прислонился спиной к софоре и, запрокинув голову, стал считать звезды на небе.

6

В полудреме я слышал, как три бычка беспрерывно ругали меня. Их широкие рты раскрывались и закрывались, брызгая мне в лицо холодной липкой слюной. Старший и младший лусийцы обругали меня несколько раз и замолчали, но Двуспинок не унимался и кипел от ярости.

– Эх ты, мелкий ублюдок, – говорил он, – мы с тобой ни враги, ни соперники, зачем же ты сказал, будто я покрыл все тринадцать коров? Из-за тебя товарищ Лао Дун так жестоко оттяпал мне яйца! А ты не только дал ему их оттяпать, еще и сожрал их!

Старший и младший лусийцы поддакивали:

– И наши тоже съел.

– Представить, представить не мог, – продолжал Двуспинок, – что ты, мелкий ублюдок, окажешься таким бесчеловечным.

Я пытался кричать, что на меня возводят напраслину, но горло мне заткнул комок бычьей шерсти, и я не мог издать ни звука, как ни старался.

– Братья, вот такая наша доля: мы живы, но без яиц, и такая жизнь не лучше смерти, – сказал Двуспинок обоим лусийцам. – Раньше мы боялись этого ублюдка, а теперь чего нам бояться?

– Действительно, бояться нечего, – ответили оба лусийца.

– Раз нечего бояться, – сказал Двуспинок, – давайте забодаем этого ублюдка насмерть. Не можем же мы просто так позволить ему жрать наши яйца!

– Братцы, а вы чувствовали? – спросил старший лусиец. – Когда он ел наши яйца, у меня было ощущение, будто их режут ножом. Удивительно – я же видел, как их отрезали, почему же я все еще чувствовал, как они болят?

– Нам тоже было больно, – подтвердили Двуспинок и младший лусиец.

– Они нас не пожалели, – сказал Двуспинок, – и нам тоже незачем играть в благородство. Давайте сперва выпустим кишки этому ублюдку, а потом разберемся с рябым и остальными.

Я изо всех сил прижался к стволу дерева, глаза наполнились слезами. Я кричал во все горло, но выходил лишь тихий комариный писк:

– Братцы бычки, не виноватый я... Я ничего не мог поделать... Бригадир приказал, я не мог послушаться... Двуспинок, Двуспинок, разве ты забыл? Прошлой зимой я расчесал тебя старой деревянной расческой моей бабушки, собрал с тебя вшей – если не цзинь, то точно половину! Старший лусийчик, младший лусийчик, я ведь и вас тоже вычесывал, вшей с вас снимал. Если бы не я, они бы вас давно заели... Вы тогда так меня благодарили, Двуспинок, ты даже руки мне лизал... Как можно платить такой неблагодарностью...

Мой голосок был совсем тонкий, но они услышали. Я заметил, как их налитые кровью глаза на мгновение потеплели. Пользуясь моментом, я задействовал все свое красноречие, старательно подбирая самые трогательные слова о былой дружбе. Я видел, как они переглянулись. Казалось, они склонялись к тому, чтобы отпустить меня.

– Братцы бычки, – продолжал я, – если вы меня пощадите, я никогда этого не забуду. Когда-нибудь, когда у меня появится власть, я буду кормить вас троих самыми лучшими кормами. Обещаю, что вы никогда не будете работать в поле. Летом я буду обмахивать вас веером, зимой сошью теплые попоны. Я сделаю вас самыми счастливыми быками на свете, самыми-самыми счастливыми...

Разливаясь сладкоголосым соловьем, я увидел, как по мордам обоих лусийцев покатились слезы.

– Нам не нужно, чтобы ты обмахивал нас веером, – перебил Двуспинок, – да ты и не сможешь этого сделать. Нам не нужны твои теплые попоны, да ты и не сошьешь их. Ты и себе-

то не можешь найти того, кто бы тебе попону сшил. Слишком сладко ты поешь, и теперь я вижу твоё лицемерие. Ты просто пытаешься выкрутиться красивыми словами, а потом пустишься наутек, как заяц, только тебя и видели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.